

Музыка

до востребования

НУ ЧТО мы знаем о Вивальди? Ну дразнили его «рыжий поп». Ну прожил он в женском монастыре сорок лет, прогуливал мессы, имел сложные взаимоотношения с инквизицией, сожительствовал с певицей и немало от этого претерпел, махнул неожиданно во Францию с любимой родиной. В завещании велел — все написанное сожгите, все сожгите. И умер.

Вот и все, что осталось после этого человека. Кроме музыки.

Музыка его, как и положено классике, застряла где-то в отдалении от широких масс, а имя, облаканный бардами, на слуху и немедленно вызывает, обостряет в голове последствия перенесенного среднего и высшего среднего образования: ах, Вивальди, гофмейстеры и курфюрсты, «герцогиня, позвольте мне», дамы в париках, булки и декольте (хотя Бог знает, что это такое) сидят при свечах, а кто-то играет под сводами — далекие, короче, времена. В России даже картошку еще не сеяли. Даже не верится. Что ж тогда ели?

Не посидеть на берегу тех рек, не стать увосимым потоком...

Но 19 красивых женщин готовы помочь нам прорасти из угнетающего нас времени на простор музыки, в тишину создающей себя души.

Деятнадцать женщин — это камерный «Вивальди-оркестр».

Руководитель — Светлана Безродная.

— Светлана Борисовна, но почему именно Вивальди?

— А он самый современный. И священник, и жуткий лицемер, и вольнодумец, и делец, и любовник, и загадка — это все наше время. Его музыка — совершенно четкий образ, он открыт для проникновения. Надо только помочь. Ведь можно по-разному объяснить. Я это поняла, когда еще преподавала в центральной музыкальной школе. Вот «пьяно», да? Это смычок вверх, смычок вниз. Так можно объяснить. А можно сказать: звук должен быть, как бумага, в которую заворачивают цветы: одна сторона — зеркальная, обратная — матовая. А то же самое: вверх — вниз. Вивальди построчно расписал свои «Времена года»: буквалью — какая музыкальная фраза «про что». Вот пастушок дремлет под лай товарища — пса, а тут птички запели. Но на самом деле — это четыре времени жизни, это легенда о собственной судьбе. Мы много играем. У нас 11 программ: от Баха до Шнитке. А Вивальди, которому в этом году 250 лет, это основа, сердце. Это наше понимание своего предназначения. Вивальди воскресил Баха, через сто лет разбирал старые ноты и нашел. Он дал жизнь невостребованному ранее. Мы тоже хотим пробуждать невостребованное.

— Публика восхищена вашим оркестром, которому еще нет и двух лет, но что стоило вам его создания?

— Годы мучений. Возвращаться на сцену тяжело. Сцена жестока, она может отлучать даже за краткую измену. Надо было бороться с собой. Надо было бродить по чиночным кабинетам, где я твердила одно и то же: женский оркестр Вивальди! Я никогда не встречала за свою жизнь столько мужчин, для которых нет принципиальной разницы, кто сидит перед

ним: мужчина или женщина. Не пускали даже на порог. Я разревелась даже однажды, потом рукой махнула, повернулась уходить и на прощание читаю таблички: начальник — Бендер, помощник — Остапенко — вот тут уже смеялась. Думала — все, сейчас выйду на улицу и буду стоять, пока хоть кто-то поймет, схвачу за плечи и буду трясти: прочитесь! Два человека поняли, спасибо им: В. В. Панченко — Госконцерт, И. И. Будов — Союзконцерт. Потом ждал бумагу. На ней было росписей столько, сколько у меня музыкантов в оркестре. Потом ее потеряли, искали, готовили новую! Но сбылось!

— И теперь вы — это: девять скрипок, три альты, три виолончели, контрабас, гобой, фagот... А почему одни женщины?

— Женщин никуда не берут. Тосканини спрашивали: почему женщин-то не берете? Он отвечал: некрасивые меня раздражают, а красивые — отвлекают. Кроме того, женщины — это декретные отпуска, болеющие дети. Поэтому женщины пропадают с профессией после консерватории, когда на бельевой веревке повиснет первая пеленка и — все, прощай, мечты! Я изначально хотела: только женщины — они более отважны, раскованны, открыты, да и просто они более выносливы...

— Для вас это немаловажно. Вас трудно увидеть в Москве, если не считать последних благотворительных концертов в Оружейной палате Кремля и Музее А. С. Пушкина, оркестр много гастролирует...

— Да, поездок много. Особенно я довольна, что мы хорошо прошли в Гамбурге. Германия — безжалостная страна для камерных оркестров, можно с успехом выступать по всему белому свету, а в Германии сразу поблекнуть, мы это испытание выдержали... После Гам-

бурга мы открывали музыкальные сезоны в Ленинграде, Кишиневе, Риге, потом Петропавловск и Магадан, совершенно нас потрясший. На концерты люди съезжались со всей округи, залы на полторы тысячи были заполнены, нас ждали, не уходя, если самолет запаздывал... Мы обязательно вернемся туда. Сейчас я организую фестиваль «Магадан-91», он пройдет весной, днем концерты будут для детей, вечером для взрослых — вырученные деньги пойдут на строительство концертного зала. Из Москвы на фестиваль поедут вокалисты Большого театра, артисты балета, цирка на Цветном бульваре... Для меня это важно. Уже хватит говорить и говорить о необходимости поддержать провинцию, нас убаюкивают собственные слова и надежды, что «Запад нам поможет»: чужая помощь очень часто — это медяки, которые кладут на глаза уснувшего. Надо каждому просто выбрать себе точку приложения сил: область, город, хоть переулочек, и что-то сделать в этой точке. Магадан — это первое. Летом я думаю собрать все «сливки» Москвы на фестиваль в Коломне — поразительном древнем русском городе, который мог бы процветать на доходы от туристов, и надо помочь его возрождению.

— А ведь еще гастроли в Южной Корее, Болгарии, Германии... Вы не боитесь, что не выдержите такой мощной энергии «первого дыхания», собьетесь с ритма?

— Я боюсь потерять ту душу, которая появилась в нашем оркестре, то понимание, сопереживание, стремление дать людям что-то большее, чем просто повод посидеть два-три часа на месте. Я боюсь почувствовать себя окончательно счастливой. Пока мне по утрам не нравится вчерашний вечер — я хочу нового, другого.

Я еще хочу добавить, что в начале этого года весьма уважаемый «Дрезденский банк» изъявил желание стать спонсором камерного «Вивальди-оркестра».

И еще: музыка делится примерно так же, как почтовые отправления. Есть такая, которую доставляют, как телеграмму: срочно, на дом, требовательно, кратко, одинаково. Другая музыка — до востребования. Чтобы быть осененным ее взмахом, надо податься. Не встать с дивана, а стать выше ростом или хотя бы осознать свой рост. Мы идем за такой музыкой, как паломники, мы ищем себя. К нашему счастью, появился еще один коллектив, который стоит искать.

А. ТЕРЕХОВ.